

Дединовские сокровища обнаружили по доносу

Во время царствования императора Петра Великого вопрос пополнения казны стоял весьма остро. Для его решения была придумана невиданная дотоле должность - «государев прибыльщик».

Получившие это звание считались состоящими на казенной службе по ведомству финансов и должны были «сидеть и чинить Государю прибыли», то есть придумывать любые способы пополнения казны. Фантазию прибыльщиков должным образом стимулировали, и у каждого из них в придуманном «казенном деле» имелся свой интерес - им полагались проценты, награждения и прочие выгоды.

Одним из самых ловких прибыльщиков Петра Великого был Алексей Курбатов, происходивший из крепостной дворни графа Шереметева. Свою карьеру он начал, сумев использовать редкий шанс. Курбатов разглядел его, сопровождая своего барина в качестве камердинера по его казенной надобности в Италию. Будучи на чужбине, он обратил внимание, что все казенные и коммерческие дела там ведутся на бумаге, помеченной государственными гербами, а за поставление оттиска взимаются

пожитков от умершего деда их осталось тысяч на 40 червонцев да на несколько десятков тысяч в серебряной монете». Указанная в доносе сумма потрясала воображение: 40 тысяч червонцев в начале XVIII столетия - это были огромные деньги! Для проверки сведений, сообщенных Немчиновым, Курбатов отправил в Дединово подьячего фискального ведомства с отрядом солдат.

По прибытии в село прибыльщики посланцы немедленно учинили обыск в нежилых палатах дома Шустовых и, как рассказывает в отчете подьячий, «нашли меж полов и сводов заделанную коробку, в коей оказалось червонцев золотых на 4 пуда 6 фунтов весу да рассыпного золота в кусках на 14 пудов 13 фунтов. Да в гнилых кулях и рогожных мешках старых серебряных денег 14 пудов 9 фунтов, да под старым полом еще тех старых денег 91 пуд 37 фунтов».

и из сундуков в домах Матвея и Федора Шустовых, что было ценнее: деньги, дорогие вещи, серебряную посуду. С этой добычей он приехал в Москву и сдал в Приказ по описи.

Повороты истории

Следом потянулись с жалобой на действия подьячего и его людей Шустовы. Размер клада был столь велик, что спорную ситуацию вокруг него взялся решать сам царь Петр, и рассудил он следующим образом: все, что подьячий забрал из жилых палат Шустовых, приказал вернуть законным владельцам; сокровища же их деда, Василия Шустова, «как клад, отысканный служилыми людьми, обратить в государственную казну». За бдительность и усердие купцу Немчинову и прибыльщику Курбатову Петр распорядился выдать награду - по 5 тысяч рублей каждому.

После визита царских фискалов с солдатами в дом Шустовых торговля их захлестла, и, судя по позднейшим документам, из купечества они выпали в крестьянское сословие. Но спустя полторы с лишним сотней лет после конфискации дедовских сокровищ новое поколение дединовских Шустовых взяло убедительный реванш, триумфально вернувшись в ряды русского купечества, - оно повело дела под фирмой «Шустов и сыновья». Компания производила и продавала изумительного качества водку, наливки и коньяки. Последние славились особо: по словам знатоков, коньяк «от Шустовых» не уступал знаменитому французскому «Мартелю». В наши дни весьма отдаленным потомком «того самого» шустовского коньяка считается «армянский старлей» ереванского завода с тремя звездочками на этикетке.

Одной из придумок «царских прибыльщиков», ведавших сборами и финансами, стало обложение бород особой податью. В 1705 г. царским указом от 11 января было постановлено, что всяк желающий ходить бородат обязан внести в казну «бородовую пошлину», размер которой определялся четырьмя разрядами. Царедворцы, дворяне городовые, всяких чинов служители и приказные люди должны были внести в казну 600 рублей на год; с гостей (купцов) первой статьи брали по 100 рублей на тот же срок; с купцов средней и мелкой статьи, а также с посадских людей (горожан) взимали по 60 рублей с бороды; «с людей бояр и посадских» (со слуг), ямщиков и извозчиков, с церковных причетников и всяких чинов московских жителей - по 30 рублей ежегодно.

Это было огромное, просто чудовищное богатство, и сразу возник вопрос: откуда взялись такие деньги? Братья Шустовы ничего толком сказать не сумели.

Размер клада был столь велик, что спорную ситуацию вокруг него взялся решать сам царь Петр».

особые сборы. Вернувшись к родным пенатам, наблюдательный камердинер графа Шереметева написал проект по сему вопросу, каковой и подбросил в Ямской приказ. Бумага Курбатова попала в руки царю и привела его в полный восторг. Автор сочинения был зван во дворец, где ему объявили о даровании вольной грамоты, дома в Москве да деревни с мужичками и землями. А еще пожаловали Алексея Курбатова чином и должностью царева прибыльщика.

«Золотой» донос

Эта преамбула нам необходима для того, чтобы лучше разобраться в событиях, случившихся в 1704 году, когда прибыльщику Курбатову поступил от некоего купца Немчинова извет, то есть донос. В нем было писано, что, дескать, «торговые люди подают сказки о своих торгах и пожитках неправильно». В качестве примера доноситель указал на братьев Шустовых - Матвея и Федора, - живших и торговавших в богатом приокском селе Дединове. «Объявили они пожитков тысяч на 2-3, указали, что разорены вконец, - писал Немчинов. - В то время как у них в Дединове

Потеряли и тайное, и явное

Это было огромное, просто чудовищное богатство, и совершенно естественно сразу возник вопрос: откуда взялись такие деньги? Братья Шустовы, будучи о том спрошены подьячим, ничего толком сказать не сумели. По их словам, о кладе в старых палатах они знать не знали. Слышали что-то такое в детстве о якобы положенных их дедом Василием деньгах, вроде бы говорили, что он проложил деньги «не у них на дворе, в селе Дединове», а где-то в «казенную палату» - то есть в какую-то кладовую. И, по слухам, было тех денег тысяч на 30 и золотых вещей тысяч на 27. Точно же ответить Шустовы не могли, поскольку, дескать, «остались сиротами после деда и отца в малых летах и тех денег не видели, а палата, в которой нашли клад, была запечатана печатью деда Василия».

Посланный на выемку клада подьячий морочить себе голову тайнами не стал, попросту выгреб все из тайных кладовых, обнаруженных при обыске, а равно

Откуда корни растут?

Казенное дело, которое позволило нам на время перенестись в петровскую эпоху, обрывается на царском приговоре, но в нем ни слова нет о происхождении изъятых сокровищ и о тех людях, которые их собрали. То, что Немчинов, донося на Шустовых, называл их торговыми людьми, указывает на их принадлежность к купеческому сословию. Если же обратиться к родословным книгам, окажется, что Шустовы происходят из Курска, где в начале XVII века они были записаны в книгу дворянских родов. Спустя пятьдесят лет в таможенных книгах того же Курска Шустовы упомянуты дважды, причем Никита Шустов в 1669 году записан как житель Коломенского уезда, а Василий Шустов в 1672-м - как коломенский купец. Это, надо думать, и был тот самый дед Матвея и Федора, собравший огромные богатства. Но если это один и тот же род, то воистину положение в нем менялось с калейдоскопической быстротой: менее чем за столетие Шустовы из дворянского сословия перешли в купечество, из Курска переселились в Коломну, а

оттуда в Дединово, но по торговым делам ездили все-таки в Курск. И при этом собрали огромное богатство, которое долгие годы хранили в тайных кладовых своего дома!

История этого купеческого рода и изъятых у него сокровищ вполне может стать отправной точкой для исследования, интересного любителям старины сразу нескольких местностей. Официально Шустовы писались жителями Коломны и уезда; для дединовских и зарайских краеведов они могут быть любопытны, поскольку клад нашли на территории Зарайского уезда; для исследователей из Курска они тоже не чужие, потому что многие узелки истории завязались именно там, где отмечено их дворянское родословие. Сразу несколько нитей позволяют начать исследование, чтобы найти решение еще одной большой загадки истории малой родины. Дело осталось за малым - найти желающих потянуть за эти нити, уходящие в глубь веков.

Валерий ЯРХО.

Рисунок
Светланы ЖУЧКОВОЙ.